михаилу шолохову, автору «тихого дона»

Выступая на XXIII съезде Партии, Вы, Михаил Александрович, поднялись на трибуну не как частное лицо, а как представитель советской литературы.

Тем самым Вы дали право каждому литератору, в том числе и мне, произнести свое суждение о тех мыслях, которые были высказаны Вами будто бы от нашего общего имени. Речь Вашу на съезде воистину можно назвать исторической. За все многовековое существование русской культуры я не могу вспомнить другого писателя, который подобно Вам, публично выразил бы свое сожаление не о том, что вынесенный судьями приговор слишком суров, а о том, что он слишком мягок.

Но огорчил Вас не один лишь приговор: Вам пришлась не по душе самая судебная процедура, которой были подвергнуты писатели Даниэль и Синявский, Вы нашли ее слишком педантической, слишком строго законной. Вам хотелось бы, чтобы судьи судили советских граждан, не стесняя себя кодексом, чтобы руководствовались они не законами, а «правосознанием». Этот призыв ошеломил меня — и я имею основание думать — не одну меня. Миллионами невинных жизней заплатил наш народ за сталинское попрание закона. Настойчивые попытки возвратиться к законности, к точному соблюдению духа и буквы советского законодательства, успешность этих попыток - самое драгоценное завоевание нашей страны, сделанное ею за последнее десятилетие. И именно это завоевание Вы хотите у народа отнять! Правда, в своей речи на съезде Вы поставили перед судьями в качестве образца не то сравнительно недавнее время, когда происходили массовые нарушения советских законов, а то, более далекое, когда самый закон, самый кодекс еще не родился: «памятные двадцатые годы». Первый советский кодекс был введен в действие в 1922 году. Годы 1917-1922 памятны нам героизмом, величием. но законностью они не отличались, да и не могли отличаться: старый строй был разрушен, новый еще не окреп. Обычай, принятый тогда: судить на основании «правосознания» был уместен и естественен в пору гражданской войны. на другой день после революции, но он ничем не может быть оправдан накануне 50-летия советской власти. Кому и для чего это нужно - возвращаться к «правосознанию», то есть по сути дела к инстинкту, когда выработан закон. И кого, в первую очередь, мечтаете вы осудить этим особо-суровым,

Дело А. Синявского и Ю. Даниэля

СОВСЕМ недавно в Париже, в издательстве «Пять Континентов» вышла повесть советской писательницы Лидии Чуковской «Опустелый дом». Повесть страшная, рассказывающая о самых черных днях сталинщины конца тридцатых годов. О том, как приходилось жить советским людям в «период культа личности», написа но немало книг и воспоминаний — самые яркие из них «Один день Ивана Денисовича» Солженицына и «Воспоминания» генерала Горба това, уже выходящие из рамок литературы и переходящие в разряд «человеческих документов». Таким же человеческим документом является и повесть Лидии Чуковской. Подробно повесть была разобрана Ю. Терапиано, в его статьях о 83-м и 84-м номерах «Нового Журнала», где она была на печатана под заглавием «Софья Петровна». (См. «Р. М.» №№ 2491, 2542).

Приводя ниже письмо Лидии Чуковской Михаилу Шолохову, написанное в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля, мы думаем, что смелость и искренность письма служит достаточным доказательством правдивости и ее повести. Это очень важно, т. к. часто те, кто сам не испытал жестокости сталинского самовластья, склонны думать, что эта жестокость умышленно преувеличивается врагами режима.

Открытое письмо писательницы Лидии Чуковской М. Шолохову

не опирающимся на статью кодекса судом, который осуществлялся «в памятные двадцатые годы»? Прежде всего, литераторов... Давно уже в статьях и публичных речах Вы. Михаил Александрович, имеете обыкновение отзываться о писателях с пренебрежением и грубой насмешкой. Но на этот раз Вы превзошли самого себя. Приговор двум интеллигентным людям, двум литераторам, не отличающимся крепким здоровьем, к пяти и семи годам заключения в лагере со строгим режимом, для принудительного, непосильного физического труда — то есть в сущности приговор к болезни, а может быть, и к смерти. — представляется Вам недостаточно суровым. Суд, который судил бы их не по статьям уголовного кодекса, без этих самых статей — побыстрее, попроще! изобрел бы, полагаете Вы, более тяжкое наказание, и Вы были бы этому рады.

Вот Ваши подлинные слова: «Попадись эти молодчики с чер-

«Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на разграниченные статьи уголовного кодекса, а «руководствуясь революционным правосознанием», ох, не ту меру получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости» приговора».

Да, Михлил Александрович, вместе со многими коммунистами Италии, Франции, Англии, Норвегии, Швеции, Дании (которых в своей речи Вы почему-то именуете «буржуазными защитниками» осужденных), вместе с левыми общественными организациями Запала. я. советская писательница, рассуждаю, осмеливаюсь рассуждать о неуместной, ничем не оправданной суровости приговора. Вы в своей речи сказали, что Вам стыдно за тех, кто хлопотал о помиловании, предлагая взять осужденных на поруки. А мне, признаться,

стыдно не за них и не за себя, а за Вас. Они просьбой своей продолжили славную традицию советской и досоветской русской литературы, а Вы своею речью отлучили себя от этой традиции. Именно в «памятные двадцатые годы», то есть с 1917 по 1922, когда бушевала Гражданская война и судили по «правосознанию», Алексей Максимович Горький употреблял всю силу своего авторитета не только на то, чтобы спасать писателей от голода и холода, но и на то, чтобы выручать их из тюрем и ссылок. Десятки заступнических писем были написаны им, и многие литераторы вернулись, благодаря ему, к своим рабочим столам. Традиция эта традиция заступничества — существует в России не со вчерашнего дня, и наша интеллигенция вправе этим гордиться. Величайший из наших поэтов Александр Пушкин гордился тем, что «милость к павшим призывал». Чехов в письме к Суворину, который осмелился в своей газете чернить Золя, защишавшего Дрейфуса, объяснял ему: «Пусть Дрейфус виноват, — и Золя все-таки прав, так как дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание... Обвинителей, прокуроров... и без них много».

Дело писателей не преследовать, а вступаться...

Вот чему учит нас русская литература в лице лучших своих представителей. Вот какую традицию нарушили Вы, громко сожалея о том, будто приговор суда был недостаточно суровым.

Вдумайтесь в значение русской литературы.

Книги, созданные великими русскими писателями, учили и учат людей не упрощенно, а глубоко и тонко, во всеоружии социального и психологического анализа вни-

кать в сложные причины человеческих ошибок, проступков, преступлений, вин. В этой проникновенности и кроется, главным образом, очеловечивающий смысл русской литературы. Вспомните книгу Федора Достоевского о каторге — «Записки из мертвого дома», книгу Льва Толстого о тюрьме - «Воскресение». Оба писателя страстно всматривались в глубь человеческих судеб, человеческих душ и социальных условий. Не для дополнительного осуждения осужденных совершил Чехов свою героическую поездку на остров Сахалин, и глубокой оказалась его книга. Вспомните, наконец, «Тихий Дон» — с какой осторожностью, с какой глубиной понимания огромных социальных сдвигов, происходивших в стране, и мельчайших достижений потрясенной человеческой души относится автор к ошибкам, проступкам и даже преступлениям против революции, совершаемых его героями! От автора «Тихого Дона» удивительно было услышать грубо-прямолинейный вопрос, превращающий сложную жизненную ситуацию в простую, элементарнейшую - вопрос, с которым Вы обратились к делегатам Советской Армии: «как бы вы поступили, если бы в каком-нибудь из подразделений появились предатели?». Это уж прямой призыв к Военно-полевому суду в мирное время. Какой мог быть ответ воинов, кроме одного: расстреляли бы! Зачем, в самом деле, обдумывать, какую именно статью уголовного кодекса нарушили Синявский и Даниэль, зачем пытаться представить себе, какие именно стороны нашей недавней действительности подверглись сатирическому изображению в книгах, какие события побудили их взяться за перо, и какие свойства нашей теперешней, современной действительности не позволили им напечатать свои книги дома? Зачем тут психологиче-

ский и социальный анализ? К стенке их! Расстрелять в 24 часа!

Слушая Вас, можно было вообразить, будто осужденные распространяли антисоветские листовки или прокламации, будто они передали за границу не свою беллетристику, а по крайней мере план крепости или завода... Этой подменой сложных понятий простыми, этой недостойной игрой словом «предательство» Вы, Михаил Александрович, еще раз изменили долгу писателя, чья обязанность всегда и везде разъяснять, доводить до сознания каждого всю многосложность, противоречивость процессов, совершающихся в литературе и в истории, а не играть словами, злостно и намеренно упрощая и тем самым искажая случившееся.

Суд над писателями Синявским и Даниэлем по внешности совершался с соблюдением всех формальностей, требуемых законом. С Вашей точки зрения в этом его недостаток, с моей — достоинство. И однако я возражаю против приговора, вынесенного судом. Почему?

Потому, что самая отдача под Уголовный суд Синявского и Даниэля была противозаконной.

Потому, что книга, беллетристика, повесть, роман, рассказ - словом, литературное произведение, слабое или сильное, талантливое или бездарное, лживое или правдивое, никакому суду, кроме общественного, литературного, ни Уголовному, ни Военно-полевому не подлежит. Писателя, как и всякого советского гражданина, можно и должно судить Уголовным судом за любой проступок — только не за его книги. Литература Уголовному суду неподсудна. Идеям следует противопоставлять идеи, а не лагеря и тюрьмы.

Вот это Вы и должны были заявить своим слушателям, если бы Вы в самом деле поднялись на трибуну как представитель советской литературы.

Но Вы держали речь как отступник ее. Ваша позорная речь не будет забыта историей.

А литература сама отомстит за себя, как мстит она всем, кто отступает от налагаемого ею трудного долга. Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника, — к творческому бесплодию. И никакие почести, деньги, отечественные и международные премии не отвратят приговор от Вашей головы.

(Апрель 1966 г.).

Лидия Чуковская

^{*) «}ГРАНИ» № 62.